

> МАГИСТРАЛЬ <

МИРЬЯНА НОВАКОВИЧ

Страх и его слуга

Москва

УДК 821.163.41-31
ББК 84(4Сер)-44
H72

Мирјана Новаковић

СТРАХ И ЊЕГОВ СЛУГА

Перевод с сербского *Ларисы Савельевой*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

*Copyright © Mirjana Novaković, 2000 + Published by agreement
with Laguna, Serbia*

Новакович, Миријана.

H72 Страх и его слуга / Миријана Новакович ; [перевод с сербского Л. Савельевой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с.

ISBN 978-5-04-204050-4

Миријана Новакович за свой роман «Страх и его слуга» была номинирована на премию журнала НИН, которую ранее уже получили Милорад Павич и Горан Петрович. «Страх и его слуга» стал самым продаваемым сербским романом начала XXI века.

Дьявол отправляется в Белград охотиться на вампиров. Вот только он их смертельно боится, поэтому предпочитает скрываться за спинами местной аристократии и своего слуги. Чтобы скрасить пребывание в городе, харизматичный дьявол пытается соблазнить замужнюю герцогиню. Однако та влюблена в другого. Впрочем, дьяволу не сильно нужна герцогиня. Он все чаще вспоминает изгнание из рая, вечера с Марией Магдалиной, встречи с Иисусом и пророчество о Втором пришествии...

Пока читатель занят детективной, любовной и исторической составляющей романа, автор начинает с ним игру. Герцогиня и дьявол — ненадежные рассказчики. Вам предстоит выбрать, в какой вариант концовки поверить.

УДК 821.163.41-31
ББК 84(4Сер)-44

ISBN 978-5-04-204050-4

© Савельева Л. А., перевод на русский, 2025
© Издание на русском языке. Оформление
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

...смешивая историческое и мистическое, реальное и фантастическое, писательница создала настоящий интеллектуальный шедевр, далеко раздвигающий границы жанров...

Джордже Баич, писатель

...книга о прелестях и ужасах не-прикрытой правды, о схватке Света и Тьмы и о страшном мире, которому так нужен Дьявол, об охоте на вампиров, о шествиях по туннелю Римского водопровода, роман, богатый духом Истории, полный странных намеков и проклятых вопросов.

*Дэмиан Келлехер,
«The Quarterly Conversation»*

*Моим родителям,
Милице и Любиише*

«Роман не терпит истории».
Лиляна Пешикан Люштанович

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПОД МАСКАМИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ В ТУМАНЕ

— Хозяин, прошу вас выйти,— такими словами мой слуга заставил меня очнуться от легкого сна, в который я погрузился сразу после Петроваадина.

— Колесо треснуло. Нужно поменять, пока совсем не сломалось.

Зевнув, я потянулся и выбрался из коляски. Шестерка запряженных цугом белых лошадей стояла смирно, кучер и слуга возились с запасным колесом. Было холодное утро, похоже, мне так никогда и не понять, почему я вечно даю уговорить себя отправиться в дорогу на ранней заре, ведь я ненавижу зарю. И первые солнечные лучи, что бы они ни означали.

Я повернулся на месте на триста шестьдесят градусов два раза и установил, что повсюду вокруг на плоской черной земле лежит густой туман. Бескрайняя равнина. Говорят, эта земля плодородна. Для пшеницы.

Кучер подошел ко мне достаточно близко, чтобы я смог почувствовать плохое качество прошлогоднего винограда.

— Сударь,— сказал он,— не могли бы вы присмотреть за лошадьми, пока мы будем менять колесо?

— За всеми сразу? — спросил я.

— Нет, что вы, сударь, нужно просто взять под уздцы коренника.

Разумно сказано. Вчера вечером, когда я его нанял, он показался мне намного глупее. Совершенно очевидно — алкоголь оказывал на него обратное действие, он от него умнел.

— Ты не знаешь меня, — ответил я. — Это правда, я люблю держать под уздцы главаря, но еще больше люблю держать сразу всех.

И стоило мне это проговорить, как издали донеслось ржание лошадей и топот копыт — верные признаки того, что к нам приближается какой-то экипаж. Из-за тумана его не было видно, но он, несомненно, приближался.

Прошло еще некоторое время. Лошади забеспокоились. Слуга вытащил пистолет и зарядил его. Но это было излишним. Среди людей у меня врагов нет. Меня все любят.

И пока я раздумывал о любви, из мглы вынырнула широкая черно-желтая карета. Тоже запряженная шестеркой. Ее кучер остановил лошадей, дверца с императорским гербом открылась, и из императорской глубины выпрыгнул юноша. Одет он был так же хорошо, как и я. Высокий, широкоплечий. Он поклонился и сказал по-немецки:

— Мы видим, что у вас трудности, сударь. Не можем ли мы быть вам полезны?

— Благодарю вас, почтеннейший молодой человек, но я надеюсь, что мой слуга с кучером сумеют сменить колесо и мы вскоре продолжим путешествие.

— А куда вы направляетесь, смею полюбопытствовать?

— В Белград.

— Мы тоже. Однако позвольте представиться: я Клаус Радецки, врач, следователь по особым делам на службе Его императорского величества Карла VI.

— А я граф Отто фон Хаусбург, дальний родственник Его императорского величества. Как странно, что мы с вами здесь встретились. Несколько дней назад в Вене, когда я собирался в дорогу, меня принял Его императорское величество, однако я ничего не слышал ни о каком следователе по особым делам.

Радецки вдруг забеспокоился. Ему было неприятно, и не из-за того, что он пойман на лжи, а из-за того, что пойман на правде.

— Его императорское величество не хотел бы, чтобы стало известно о моем... точнее, о нашем деле,— сбивчиво заговорил он.

— Но ведь вы тут же начали мне рассказывать, не так ли?

— Я... знаете ли... мне трудно объяснить...— Среди мучительного замешательства ему вдруг пришла в голову спасительная мысль: — Я сразу заметил ваше сходство с Его императорским величеством и тут же понял, что вы с ним состоите в родстве.

— Я действительно родственник полубрата Его императорского величества, но этот полубрат — внебрачный ребенок, кроме того, с ним, то есть с полубратом, я в родстве по материнской линии, из чего следует, что в кровном родстве с Его императорским величеством я не состою. Равно как и в молочном. Но это не так уж важно. Важно то, что Его императорское величество меня любит и ценит. Я получил титул и земли не по наследству, а благодаря моим личным заслугам в английских колониях.

Радецки не пикнул, его охватил еще больший стыд. Он только озирался по сторонам, должно быть, в ожидании, что из тумана появится спасение. Но спасение не появлялось. Да и как оно могло появиться? К тому же из тумана.

— Ну, раз уж вы мне столько всего рассказали, то можете открыть и цель ваших дел в Белграде. Все, знаете ли, следует доводить до конца. Тем более рассказ.

На несколько мгновений он задумался, а потом храбро сглотнул слону. Похоже, ее было много, я имею в виду слоны.

— Граф,— сказал он,— вы и так узнали бы это в Белграде. Я являюсь членом особой комиссии, которую Его императорское величество лично назначил и направил в Белград, чтобы расследовать невероятные и ужасные события, которые имеют место в этой, до недавнего времени турецкой, стране. Со мной еще двое ученых, оба графы.

Наконец-то я схватил удачу за хвост. После всех этих тощих мадьярок в Пеште, умного кучера и сломанного колеса вот наконец-то хороший шанс! Нужно только сблизиться и подружиться с Радецким, и все, что я хочу узнать, будет мне подано на ладони. Итак, новости все-таки дошли и до самого императора. Значит, не напрасно я отправился в дорогу.

Я кивнул молодому человеку, он повернулся и прыгнул в свою карету. Я снова увидел герб, а потом все растворилось в тумане.

Но не успели затихнуть конский топот и скрип колес, как из тумана появился новый персонаж. Этот был один и передвигался на собственных ногах. Следовательно, был бедняком или болваном. Что, впрочем, одно и то же. По мере его приближения становились видны детали. Он был необыкновенно высокого роста, с длинными светлыми волосами и бородой, в лохмотьях. Еще издали он прокричал:

— Нужна ли вам помощь?

И такой вызвался мне помочь! «Похоже, человек с доброй душой»,— предположил я. Таких в тумане

полно. Но я их не люблю. Обычно они не моются, считая чистоту тела неважной. Поэтому от них воняет. Своей вонью они вызывают отвращение у других людей, и те стремятся их избегать. А когда не имеешь дела с другими людьми, добрым быть нетрудно.

Но меня удивило не предложение этого несчастного, скорее не залатанного, чем залатанного бродяги. Нет, удивил меня язык, на котором был задан вопрос. Это был русский. Я ответил на нем же:

— Нет!

А он крикнул:

— Брат! — и подбежал ко мне.

Да, от него воняло.

— Я тебе не брат, — сказал я по-русски, вытянув вперед руки и давая ему понять, что он подошел слишком близко. Я знал, русские любят целоваться. Причем троекратно.

— Но вы же русский! — воскликнул он, по-прежнему не скрывая намерения расцеловать меня. — Я Николай Лескович Патков, из Москвы.

— Я — боярин Михаил Федорович Толстоевский, — с особым удовольствием представился я. — А куда вы направляетесь, Николай Лескович?

— В Белград! — отвечал он радостно, непонятно, почему.

— В Белград? Из Москвы в Белград? Неблизкий путь.

— Да, сударь мой, путь далекий. Я вышел еще весной. Но путь должно пройти.

Слуга сообщил мне, что колесо заменили и мы можем двигаться дальше.

— Что ж, Николай Лескович, желаю вам всего самого злого, пардон, доброго, — сказал я и сел в экипаж. Лошади тронулись, а русский продолжал стоять. Этот будет в Белграде не раньше, чем к ужину. Если

не заблудится в тумане. А я... хм, мне бы неплохо добраться до Белграда раньше, чем там окажется комиссия. Я достал из кошелька четыре крейцера, один вернул обратно. И крикнул кучеру:

— Если будем в Белграде раньше той кареты, которая недавно проехала, получишь... — тут я вернул в кошелек еще один крейцер, — два крейцера.

Послышался щелчок кнута.

ГЛАВА ВТОРАЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ В ТУМАНЕ

Я не был в Белграде годы и годы. И соскучился. Мне было интересно посмотреть, как теперь выглядит этот город, уже двадцать лет живущий под австрийской властью. Последний раз я его видел совершенно восточным, небо тут и там вспарывали минареты, воняло жиром, завывали муэдзины. В Пеште мне рассказывали, что в ходе осады 1717 года Белград был сильно разрушен, но что теперь он укреплен втрое лучше и захватить его еще труднее, чем тогда, когда он был под турками.

Мы уже въехали на Савский мост, но все вокруг оставалось недоступным взгляду. Я высунул голову в окно, насколько смог, но города не увидел. Он весь был погружен в густой туман. Только наверху можно было угадать очертания Калемегданской крепости.

Мы остановились, мой слуга обменялся несколькими фразами с городскими стражниками, и вскоре послышался скрип тяжелых ворот. Императорские и другие государственные печати для меня изгото-вили лучшие мастера-евреи. Они у меня есть всех видов — германских княжеств, итальянских республик, Австрийской и Русской империй, Французского ко-

ролевства... похоже, как раз эти, французские, мне долго не прослужат.

Я снова был Отто фон Хаусбург, граф.

— Хозяин,— обратился ко мне слуга,— стражники сказали, чтобы мы ехали прямо в резиденцию регента.

Это показалось мне подозрительным, но я только кивнул, и лошади снова тронулись.

Наконец коляска остановилась, подбежали слуги, принялись распрягать. Многообещающая встреча, сказал бы я. Увидев, как мой слуга разговаривает со здешними слугами и как все они крутят головами, я тут же сделал ему знак подойти.

— Что они говорят? — спросил я. Самые важные вещи всегда узнаешь от самых незначительных людей.

— Они говорят, хозяин, что ни в коем случае нельзя выходить из дома после захода солнца.

— Ха,— сказал я, прикидываясь непонимающим,— так же, как и в любом другом городе. Можно подумать, в Пеште или в Вене ночью безопасно ходить по улицам. Повсюду полно воров и разбойников, а здесь еще и целый гарнизон стоит, и если они напьются и разгуляются...

— Нет, хозяин, они говорят не о солдатах и не о разбойниках, не о тех, кто в любом городе вселяет в людей страх и трепет. Солдаты, конечно, солдаты, но они люди, и разбойники тоже люди, это вы и сами знаете, но то, что грозит из темноты здесь, это нечто другое.

— Какое такое другое?

— Не захотели объяснить. Боятся. Регент не любит, когда об этом говорят.

«Естественно,— подумал я,— естественно, не любит, раз это ставит под вопрос его регентство. Но молчание еще никого не спасло, скорее даже наоборот».